

Глава 32: Человек, ожидающий смерти

—

Из-за слов Цзинь Гуя выражение лица Сяо Шаня стало очень мрачным, хотя в последние дни оно и так было не очень хорошим, поэтому, за исключением близких людей, никто этого не заметил.

Се Чжуй заметил, пожал его руку, безмолвно утешая.

Сяо Шань взглянул на него, чувствуя себя одновременно обиженным и угнетённым. Он не знал, что за чертовщину творит Лю Цзинсюань, так испортив его репутацию.

Конечно, говоря о репутации, репутация Сяо Шаня всегда была не очень хорошей.

Но это касалось его лично. Он был распутным, невежественным и неотесанным, и это не имело отношения к посторонним. Теперь его имя было связано с Лю Цзинсюанем, и это вызывало у Сяо Шаня чувство дискомфорта, когда он слышал это.

Дом Цзинь Гуя находился на окраине города. Это был особняк, у которого, помимо чётких надписей на табличке у ворот, во всех остальных местах облупилась краска, сразу было видно его ветхость. Семья Цзинь Гуя когда-то была могущественной и купила этот особняк, но к поколению его отца, который был слишком амбициозен и всегда предавался грёзам о былой славе предков, сам же не любил трудиться, да ещё и должен был обеспечить Цзинь Гую образование, всё имущество было распродано.

В последнее время мать Цзинь Гуя, которая всегда работала, чувствовала себя плохо. Казалось, если так будет продолжаться, им придётся продать дом, и у семьи не останется даже места для жилья. Только тогда Цзинь Гуй покинул Лянчжоу, чтобы одолжить денег у своей семьи по материнской линии в деревне.

Его семья по материнской линии не была богатой. Трое дядей много лет занимались земледелием и тяжёлым физическим трудом, и, выплатив налоги, за год почти ничего не откладывали. Однако, учитывая, что Цзинь Гуй был учёным и, возможно, в будущем получит учёную степень, они относились к нему с большим уважением и, с трудом изыскав средства, выдали Цзинь Гую два лян серебра.

Это также было причиной, по которой Цзинь Гуй воспользовался суматохой, чтобы улизнуть.

Просто у семьи не было денег, и он хотел сэкономить каждую копейку. Это было главной причиной, по которой Цзинь Гуй рискнул приютить Сяо Шаня и других.

Бедность легко заставляет людей рисковать.

Когда Цзинь Гуй привёл людей домой, его отец был пьян и мечтал о возвращении золотого века семьи Цзинь, а его мать убиралась во дворе.

Увидев, что Цзинь Гуй внезапно привёл столько людей, мать Цзинь Гуя испугалась и не знала, куда деть руки.

Цзинь Гуй подошёл к матери и объяснил ей, что Сяо Шань и другие являются родственниками его однокурсника, и поскольку у однокурсника были дела дома, этим людям нужно было временно пожить у них.

Это было очень дырявое оправдание, но мать Цзинь Гуя выслушала его без тени сомнения.

Она была очень проста и немного застенчива, тихо спросив Цзинь Гуя: «Тогда нужно ли нам убрать наше жильё для них?»

Цзинь Гуй замялся, подумав про себя, что раз уж взяли деньги, то надо спросить. И он посмотрел на Сяо Шаня: «Лучшие комнаты в доме заняты нами, есть ещё несколько боковых комнат...»

«Боковых комнат будет достаточно», — сказал Сяо Шань.

Цзинь Гуй кивнул, и его сердце наполнилось облегчением.

По его мнению, Сяо Шань и другие платили, и если бы они действительно не захотели жить в боковых комнатах, ему пришлось бы подумать.

Переезд — очень утомительное занятие, хотя у них и не было много вещей, чтобы переносить.

Цзинь Гуй сказал ещё пару слов своей матери, а затем повёл группу людей в боковые комнаты.

Было четыре комнаты.

В них много лет никто не жил, и они были покрыты толстым слоем пыли. К счастью, там не было никакого хлама, и они постоянно проветривались, поэтому не было сильного запаха, и убираться в них было довольно легко.

Сяо Шань и Цзун Цин, переглянувшись, распределили комнаты.

Сяо Шань и Се Чжуй в одной комнате, Цзун Цин и Се Чэнь в одной, а оставшиеся две — для телохранителей.

Сяо Шань и Се Чжуй, само собой, были мужем и женой, и не было причин им жить отдельно. Кроме того, Сяо Шань был принцем, самого благородного происхождения, и было вполне естественно, что он займет отдельную комнату.

Если бы он не жил отдельно, Цзун Цин, возможно, даже испытал бы тревогу.

Цзун Цин и Се Чэнь жили в комнате, где полностью помещалась кровать и ширма, разделяя её на две небольшие комнаты. К тому же, Цзун Цин скоро должен был отправиться в патруль для расследования дела, и он проводил очень мало времени в комнате, что было очень удобно для Се Чэня.

Охранников у них было много, но, к счастью, им предстояло патрулировать по отдельности, так что две комнаты кое-как вмещали их.

Комнаты были распределены, телохранители с максимальной скоростью убрали их и полили водой.

Когда всё было готово, Се Чжуй расставил привезённые ими вещи и багаж, и жильё приобрело законченный вид.

Сяо Шань чувствовал себя невыносимо плохо. Пока Се Чжуй застилал постель, он, поддерживая свою кружащуюся голову, приказал принести воды для купания. Сейчас он ничего не хотел делать, только поскорее принять ванну, а затем лечь в кровать и сладко уснуть.

Один из охранников ответил, а Цзинь Гуй рядом недовольно сказал: «На заднем дворе есть колодец, можете сами набирать воду. Вода бесплатна, но дрова - нет».

Дело не в том, что он мелочился и считал каждую копейку. Большая часть дров в их доме была куплена, а часть принесена матерью Цзинь Гуя и им самим с горы. Они жили на окраине города, недалеко от горы, принести связку дров обратно было очень непросто.

Сяо Шань, естественно, не стал с ним спорить по этому поводу и кивнул в знак согласия.

Цзинь Гуй вздохнул с облегчением, затем указал всем на расположение кухни и удалился.

В такую жару для купания не нужна была слишком горячая вода.

Сяо Шань быстро вымылся, лёг на кровать и стал ждать, пока Се Чжуй закончит мыться, чтобы уснуть вместе.

Се Чжуй изначально не собирался спать в это время, ведь комнаты были соединены, и Се Чэнь

с Цзун Цином жили прямо рядом с ними. Они были мужем и женой, и хотя жили в одной комнате днём, даже если это был просто обычный сон, таких правил не было.

Сяо Шань разгадал мысли Се Чжужуя, он приподнялся и погладил рукой его веки, сказав: «Зачем столько думать? В такое время нет никаких правил. Ты так устал, лучше отдохни».

В эти дни он плохо ел и спал на корабле, и Се Чжужуй, беспокоясь, тоже не высыпался.

Если бы Се Чжужуй действительно хотел потерпеть, он мог бы подождать до ночи, чтобы поспать.

Но, встретившись с мягким взглядом Сяо Шаня, он невольно лёг на кровать.

Только тогда Сяо Шань удовлетворился, пробормотал ему пару слов, а затем уснул.

Се Чжужуй смотрел на его уставшее, измождённое до предела лицо. Ему очень хотелось протянуть руку и разгладить усталость на лице Сяо Шаня. Но в конце концов он лишь подумал об этом, но так и не поднял руку.

Неизвестно, сколько времени прошло, он закрыл глаза и тоже уснул.

Было очень жарко, но они лежали очень близко, их волосы переплелись, и невозможно было понять, чьи они.

Этот сон Сяо Шаня был беспокойным. Сквозь сон ему казалось, что он всё ещё на корабле, покачивающийся взад и вперёд вместе с течением.

Во сне он почувствовал, что внезапно ступил в пустоту, его сердце замерло, и он открыл глаза.

Глядя на голые потолочные балки, он на мгновение растерялся, не зная, где он находится.

Прошло довольно много времени, прежде чем он вспомнил, где находится.

Оглянувшись, он обнаружил, что Се Чжужуй куда-то ушёл.

Сяо Шань сел, почувствовал лёгкую прохладу и увидел две чаши со льдом, стоявшие недалеко от кровати.

Он поднял бровь. Лёд в это время был редкостью, его не всегда можно было купить за деньги. Раньше каждое лето, когда льда, выданного во дворце, не хватало, он проклинал себя за недостаток знаний, иначе он мог бы делать лёд сам.

Знания всегда нужны, и остаётся только сожалеть, когда их не хватает, это точно про него.

Впрочем, после лета он об этом уже не вспоминал.

Сяо Шань встал, чтобы умыться.

Спал он очень плохо, словно плыл на корабле, а проснувшись, почувствовал, как ноют и ослабли все кости.

Ополоснув лицо холодной водой, Сяо Шань посмотрел на себя в зеркало.

Вспомнив, как его тошнило на корабле, он невольно скривил рот. Для человека, страдающего морской болезнью, так долго находиться на корабле было настоящей пыткой.

Он ничего не мог есть, и чтобы время быстрее пролетело, он спал.

Поскольку он ничего не ел, сон был недолгим, а проснувшись, он чувствовал мучительный голод.

Но стоило ему поесть, как его тут же выворачивало наизнанку.

В такие моменты Сяо Шань всегда вспоминал беременных женщин с токсикозом.

Ему казалось, что это просто мучение.

К счастью, Се Чжуй был гером, и иметь потомство было для него изначально сложно.

А он и вовсе не ожидал детей, уже давно решил, что потом усыновит ребенка.

Он никогда не говорил об этом Се Чжую. Сейчас говорить об этом было бы слишком шокирующе, и если бы новости дошли до его отца, это было бы нехорошо. Он боялся, что Се Чжуй будет испытывать давление.

Но и не говорить тоже нельзя, отсутствие детей равносильно отсутствию потомков, и если Се Чжуй не знал его мыслей, то, вероятно, испытывал бы ещё большее давление.

Поэтому всё-таки нужно найти время и поговорить с Се Чжужем об этом.

Говорить или не говорить, но момент нужно выбрать правильно, чтобы не напугать человека.

Вытерев лицо, Сяо Шань вышел из комнаты.

Подожёл охранник, чтобы поклониться, но он отослал его.

В это время уже почти стемнело, и в доме семьи Цзинь, конечно, не было света.

Сяо Шань привык к свету свечей в комнате по ночам, и как раз собирался приказать телохранителю купить лампу, как увидел Се Чжуй, идущего с фонарем.

Се Чжуй, увидев Сяо Шаня, стоящего в дверях, обрадовался и быстро подошёл.

Сяо Шань, глядя на фонарь в его руке, спросил: «Как он появился?»

Се Чжуй улыбнулся: «Лянчжоу процветает, там можно купить всё, что угодно».

«А лёд в комнате тоже купил?»

Се Чжуй кивнул: «Благодаря напоминанию господина Цзиня, который сказал, что в Лянчжоу каждый год люди заготавливают лёд, а когда становится жарко, продают его, цена, правда, немного выше обычного».

Сяо Шань рассмеялся: «Значит, он умеет вести дела».

При свете фонаря он обнаружил, что Се Чжуй смыл нарисованное родимое пятно, и это заметное, тусклое родимое пятно было скрыто пудрой.

Похоже, он вышел на улицу в мужском образе.

На самом деле Сяо Шаня не волновало, что Се Чжуй выходит под видом гера. Се Чжуй когда-то был ястребом, а теперь он заперт в княжеском поместье. Всё, что он мог сделать, это дать этому человеку максимально возможную свободу.

Что касается тусклого родимого пятна между бровями Се Чжуй, Сяо Шань тоже не испытывал к нему отвращения. Наоборот, во время близости он целовал это место, а также целовал все шрамы на теле Се Чжуй.

Эти вещи не были уродливыми, напротив, в глазах Сяо Шаня они были ценными.

Его плоть и кровь, полные шрамов, защищали его спокойную жизнь в столице.

Конечно, Сяо Шаня ещё меньше волновало, что Се Чжуй переодевается мужчиной, выходя из дома.

Если он хочет увидеть этот мир, пусть видит.

Подумав об этом, Сяо Шань протянул руку и легонько щёлкнул Се Чжуя по лбу.

Се Чжуй был ошарашен его щелчком, ему показалось, что место, которого коснулся палец Сяо Шаня, загорелось.

Он отвёл взгляд и сказал: «Ты не голоден? Хочешь что-нибудь поесть? Я купил вонтоны, они сырые, я схожу и сварю тебе миску».

«Хорошо», — улыбнулся Сяо Шань. «Действительно, немного проголодался».

Се Чжуй передал ему лампу и повернулся, чтобы уйти.

Сяо Шань же велел поставить стол во дворе и вынес из комнаты один тазик со льдом.

В это время, если бы на лёд положить несколько кусочков арбуза, и дать им немного остыть, они бы были особенно освежающими.

Но арбуза не было, так что эта идея пока неосуществима.

Через некоторое время Се Чжуй вернулся с вонтонами.

Сяо Шань на корабле почти не ел жирного, а теперь, почувствовав аромат, у него разыгрался аппетит.

Се Чжуй знал, что ему сейчас не подходит есть мясо, но он посмотрел и увидел, что мяса в вонтонах очень мало, и он вполне сможет это перенести.

Сяо Шань взглянул на Се Чжуя, прежде чем начать есть.

Се Чжуй поспешно сказал: «Мы все уже поели, это тебе оставили».

Только тогда Сяо Шань начал есть.

В это время года легко вспотеть, когда ешь горячий суп и горячий рис, но Сяо Шань все равно медленно доел миску вонтонов.

Когда желудок успокоился, Сяо Шань обрадовался, и Се Чжуй, глядя на него, тоже улыбнулся.

После еды Цзун Цин пришёл повидаться с Сяо Шанем.

Се Чжуй, видя, что им есть о чём поговорить, пошёл поговорить с Се Чэнем.

Цзун Цин пришёл к Сяо Шаню главным образом, чтобы обсудить расследование дела.

Цзун Цин был честным и неподкупным, и увидев сцену в порту, он не мог её забыть. Сейчас он хотел только поскорее выяснить всё до конца и доложить императору.

Но сейчас ему предстояло действовать против Лю Цзинсюаня, шурина наследного принца.

Поэтому ему было необходимо знать отношение Сяо Шаня.

Отношение Сяо Шаня было очень чётким, его взгляд был слегка холодным: «Расследовать, конечно, нужно расследовать, и не просто расследовать, а особенно тщательно. Судя по нынешней ситуации в Лянчжоу, я вижу, что они очень уверены в себе и совсем не боятся».

Цзун Цин внимательно посмотрел на выражение лица Сяо Шаня, затем встал и поклонился, сказав: «Я понимаю, Ваше Высочество, не волнуйтесь, дело в Лянчжоу я обязательно расследую досконально».

Сяо Шань хмыкнул.

В то время как двое обсуждали дела Лянчжоу, Се Чэнь и Се Чжуй вели обычную беседу.

Се Чэнь знал, что Се Чжуй ушел из дома, и не только он, но и Цзун Цин, и все телохранители. Гу Нин позже сказал, что когда Се Чжуй переоделся мужчиной и вышел, телохранители выглядели очень растерянными, хотели остановить, но не знали, как.

Се Чэню было все равно на отношение этих телохранителей, его волновало отношение Сяо Шаня.

Сяо Шань проснулся и совершенно не обратил внимания на эти вещи.

Он действительно не обратил внимания, или он держал это в голове, ожидая, чтобы свести счёты позже?

Се Чэнь на самом деле всё ещё был немного озадачен. По его мнению, Се Чжуй не совершил бы такой ошибки. Сейчас он не на Северной границе, он гер, супруг Сяо Шаня, и вот так, не

сказав ни слова, уйти из дома. Было ли это преднамеренно?

Намеренно испытывал отношение Сяо Шаня?

Так что Се Чжуй был уверен, что Сяо Шань не будет преследовать этот вопрос?

Подумав об этом, Се Чэнь вдруг рассмеялся.

Се Чжуй поднял глаза и спросил: «Старший брат, что случилось?»

Се Чэнь покачал головой: «Ничего, просто подумал о чём-то приятном». Он словно случайно обнаружил маленькую лисичку, которая робко протягивала лапки, чтобы прикоснуться к человеку.

Знал ли тот, кто вырастил эту лисичку, что она задумала?

Се Чжуй, видя, что Се Чэнь ничего не говорит, не стал много думать и заговорил с Се Чэнем о другом.

В ту ночь, когда Се Чжуй сладко уснул в его объятиях, Сяо Шань открыл глаза.

Днём он слишком много спал, к тому же у него были мысли, и ему никак не удавалось заснуть.

Он думал о Лянчжоу, о Лю Цзинсюане. Судя по сегодняшней ситуации, невозможно, чтобы Лю Цзинсюань не совершил преступления. Он просто думал, насколько сильно преступление Лю Цзинсюаня повлияет на Сяо Цзиня.

Повлияет ли это на положение Сяо Цзиня в глазах императора? Пошатнёт ли это его образ наследного принца среди чиновников?

Эти вопросы были похожи на клубок запутанных нитей, которые пока невозможно было распутать.

Сяо Шань некоторое время размышлял, но так и не смог ничего понять, поэтому закрыл глаза и уснул.

Он думал, что не сможет уснуть, но оказалось, что его сердце слишком устало, и он быстро заснул.

В последующие дни Цзун Цин уходил рано утром и возвращался поздно вечером, а Сяо Шань не спрашивал его, что он выяснил.

Однако, судя по косвенным сведениям, полученным от Цзинь Гуя, Лю Цзинсюань в Лянчжоу был воплощением своеволия. Сбор денег был хаотичным, например, плата за сход с корабля была введена недавно.

И они как раз попали на это.

Кроме того, Лю Цзинсюань был в очень хороших отношениях с купцами Лянчжоу. В этих местах слова чиновников не всегда имели силу, но несколько торговых домов со сложными связями – совсем другое дело.

Эти купцы очень уважали Лю Цзинсюаня, и не было ничего, что он хотел бы сделать в Лянчжоу, но не смог бы.

Купцы давали ему удобства, а он защищал их бизнес.

Из всего, что рассказал Цзинь Гуй, можно сделать вывод, что Лю Цзинсюаню не избежать обвинений в коррупции и сговоре между чиновниками и торговцами.

И с самого начала в Лянчжоу ходили слухи, что наследный принц очень ценит Лю Цзинсюаня, а Сяо Шань находится с Лю Цзинсюанем в очень хороших отношениях.

Приезд Сяо Шаня в Лянчжоу был равносителен тому, что он накинул зонт над головой Лю Цзинсюаня.

И из-за этих слухов, слуги семьи Лю, идя по улице, вели себя наглее, чем другие.

Все эти факты можно было проверить, и они были слишком очевидны. Народ роптал от недовольства, и притворяться, что этого не видишь, было невозможно. Все улики указывали на Лю Цзинсюаня.

Сяо Шань размышлял об этом, а Цзун Цин уже почти закончил расследование преступлений Лю Цзинсюаня.

Честно говоря, это был первый раз, когда он так легко расследовал дело. Свидетелями был весь Лянчжоу, а вещественными доказательствами – деньги, которые ежедневно вывозились и ввозились в резиденцию губернатора.

Как и говорилось в слухах, Лю Цзинсюань чувствовал себя в безопасности из-за прибытия князя Ли.

Он даже воровал открыто и нагло.

И та группа людей в порту, Цзун Цин тоже выяснил, это были слуги семьи Лю.

Тот, кто осмелился назвать себя отцом Сяо Шаня, был дворецким Лю Цзинсюаня, и его называли «господин Лю».

Цзун Цин, имея эти доказательства, колебался.

Как говорится, что-то аномальное всегда предвещает беду.

Если бы кто-то сказал, что его подставили, он бы не смог сказать, что Лю Цзинсюань был хорошим чиновником. Вчера, гуляя по городу, он своими глазами видел, как Лю Цзинсюань днём возвращался из борделя в резиденцию губернатора.

Говорят, что у Лю Цзинсюаня был свой кабинет в борделе, и его главная красавица принимала только его одного.

Лю Цзинсюань потратил немало денег на эту красавицу.

Разве это то, что должен делать чиновник? Уже по одному этому Лю Цзинсюань не заслуживал быть чиновником.

Цзун Цин, поняв это, собрал свои вещи и отправился к Сяо Шаню.

Он подсчитал время, и императорский эскорт должен был прибыть в город Лянчжоу в ближайшие дни.

Его идея заключалась в том, чтобы, как только прибудет эскорт, немедленно арестовать Лю Цзинсюаня и допросить его.

Сяо Шань, выслушав слова Цзун Цина, кивнул и сказал: «Раз уж господин Цзун всё выяснил, нам действительно следует встретиться с этим господином Лю».

Цзун Цин, видя, что у него нет возражений, не удержался и спросил: «Что ещё хочет проверить князь?»

Сяо Шань взглянул на него: «Я не умею расследовать дела, поэтому не буду. Что господин Цзун выяснил, то и доложите отцу-императору после допроса».

Цзун Цин: «...»

Сяо Шань с самого начала был пассивным, и он думал, что в конце концов у этого человека

появятся другие мысли.

Ведь дело касалось наследного принца...

Сяо Шань не обращал внимания на мысли Цзун Цина, ему сейчас было интересно только одно: то ли Лю Цзинсюань действовал слишком безрассудно, вызывая гнев народа и богов, то ли он действительно думал, что Сяо Шань будет его защищать, то ли Лянчжоу уже вышел из-под его контроля.

Думая об этом, Сяо Шань встал и сказал: «Не будем ждать эскорта, мы сейчас же отправимся в резиденцию губернатора, чтобы встретиться с Лю Цзинсюанем».

Цзун Цин: «...»

Почему он действует так спонтанно?

Сяо Шань всё ещё говорил: «Застигнем его врасплох, пошли».

—

<http://bllate.org/book/14491/1282524>